

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОСЛАВЬЯ

Доказывается, что несмотря на секуляризацию и раскол в украинском православии, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами, стратегия православия – объединение и солидаризация.

Ключевые слова: секуляризация, православие, солидаризация, экклезиология, соборность, кафоличность, этноцентризм, эсхатология, консолидация, христианская антропология.

В христианском мире с эпохи Возрождения артикулирована проблема "секуляризации", "обмирщения" Церкви, т.е. о подчинении её миру, который она в себя принимает, об искажающем её истину компромиссе с цивилизацией, противоположной Церкви по способу существования. Насколько эта проблема: 1) актуальна для современной УПЦ?; 2) коррелирует с объединительной миссией православия?; 3) связана с расколом в украинском православии?

Согласно христианской антропологии, Бог сотворил человека как личность, обладающую внутренней жизнью, неповторимой в её индивидуальных проявлениях. Духовно-социальная жизнь каждого, верующего во Христа, носит христоцентрический характер: человек существует и сознаёт себя личностью благодаря своей причастности ко Христу, открывающему для него беспредельность бытийной и экзистенциальной перспективы. Вера в Богочеловечество Христа — высший уровень духовности, на который способен подняться человек. Она преобразует внутренний мир личности, превращает духовный эклектизм в этически упорядоченный мир ценностей, смыслов и норм. Без православной веры любые формы духовности несостоятельны. Личность может "найти себя", "стать собой", выйти на благой путь творческого участия в социальной жизни, если только живёт во Христе, в Его Православной Церкви, питается от благодатных даров Святого Духа.

Человек, верующий во Христа, видит смысл своего земного существования в том, чтобы жить в социальном мире в соответствии с заповедями Божиими. Бог помогает людям преодолевать разъединённость и одиночество. Его заповеди крепят и множат социальные связи, пронизанные солидарностью. Они духовно углубляют социальные ориентации личности, возвышают ценности в их нравственном и законопослушном поведении.

Однако современный глобально-либеральный мир заменяет абсолютные ценности Христа общественно-политическими и социокультурными приоритетами. "Глубокие перемены охватывают все стороны, все измерения человеческого существа, вплоть до биологической основы... Длинная цепь современных превращений человека и его способов репрезентации – цепь распада антропоатама – близится здесь к концу. Светское сознание давно уже характеризует современное общество как "постхристианское". В качестве реальной и близкой перспективы сегодня уже активно обсуждается приход "постчеловеческого" или "трансчеловеческого" мира, для обитателей которого, наделённых гибридной антропокомпьютерной конституцией, все ценности духовности, нравственности, культуры не будут существовать вообще или, по крайней мере, большая их часть. В 2004 г. в Оксфорде состоялась первая конференция "Постчеловеческое будущее". В своей глубине и радикальности описанные антропологические феномены действительно составляют главный, определяющий уровень протекающего планетарного кризиса [10, с. 138–140]. Такой позиции придерживаются многие философы и богословы, подчеркивая, что кризис современной материалистической цивилизации заключается в "антропологическом искажении" [11, с. 101].

Сегодня завершается грандиозный, исторически беспрецедентный опыт Нового времени – построения культуры без религии. Этот эксперимент прошёл путь от гуманизма эпохи Возрождения до тоталитарного порабощения мира псевдодемократией и информационно-психологическим манипулированием. "Мы имеем секуляризованную научную мировую культуру, которая является телом без души" [5, с. 274].

Мышление нынешнего человечества анахронично. Оно видит НТП через призму старого респектабельного оптимизма. Но панорама нашего века (к слову, непротиворечиво описываемая терминами Апокалипсиса) включает в себя не только достижения и успехи: – урбанизация и техническая революция имеют свои негативы. Пропаганда СМИ, оглуляет народы сенсациями, бросает их от моды к моде, от одних политвыборов к другим – это одичание и безумство есть плата за "комфорт" евроинтеграции.

События начала 1990-х годов в Украине продолжили процесс секуляризации церковной жизни, подчинения её тем императивам, которые навязывает ей построённая на потребительство цивилизация" [12, с. 69].

Несомненно, что определения Харьковского Архиерейского Собора 1992 года оградили УПЦ от политической институционализации, а её верных чад от сползания в политспекуляции и нацманипуляции.

Одна из сторон многогранной миссия Церкви состоит в том, что «Только через творческое усвоение прошлого и только на твёрдом святоотеческом базисе возможны богословский поиск и интерпретация того, что составляет и придаёт Божественному Откровению его вневременность, его историчность и его современность в сегодняшнем мире» [4, с. 268–287].

Взаимоотношения Церкви и государства в советской Украине строились на диктате атеистической идеологии, нацеленной на полное вытеснение религии из жизни общества. В новой украинской истории в условиях формирующейся демократии и религиозного плюрализма государство, к сожалению, на практике стимулировало многие расколы внутрицерковной жизни для ослабления позиций Церкви в целом.

Отношения государства и Церкви – это соблазн для обеих сторон. Вторая, приобретая господдержку, получает большие возможности для увеличения своего влияния. В свою очередь, первое может использовать авторитет Церкви в своих политцелях. Однако, попав в зависимость от государства, религиозная организация вынуждена санкционировать любые его действия, в том числе и те, которые имеют негативный общественный резонанс. В результате, находясь в тесной связи с государством, Церковь рискует утратить свой авторитет.

Подобная ситуация сложилась до 1917 г. – влияние Православной Церкви было существенным. Однако её авторитет снизился, когда граждане увидели Церковь, связанную с госвластью, политика которой далеко не всеми воспринималась безоговорочно. "Исследователи единодушны в своих выводах о том, что к 1917 году авторитет Церкви среди широких слоёв населения значительно упал" [8, с. 66].

Богословское обоснование симфонии Церкви и государства содержится в христологической концепции, утверждённой IV Вселенским (Халкидонским) Церковным Собором в 451 г. Там эта идея обосновывалась наличием двух природ — Божественной и человеческой — в Иисусе Христе при их неслиянности и нераздельности.

Подобная модель церковно-государственных отношений была унаследована и Русским государством. Здесь следует, однако, иметь в виду, что как в Византийской империи, так и в допетровской России симфония (гармония, единство) Церкви и государства в чистом виде проявлялась лишь в редких случаях. В значительной мере она оставалась скорее желанным идеалом, нежели исторической реальностью. "На протяжении своего многовекового исторического пути христианская Церковь, в лице носителей её сознания, не только осуществляла своё право судить о государстве, с которым она имела дело, по его достоинству, но пыталась привлечь его на служение Христу, пронизать госучреждения светом Христовым, вдохнуть Его дух в госформы. Ни одна из этих попыток не удалась. XV век засвидетельствовал крушение Византии. И трагедия России, одна из существенных причин её падения, заключалась, прежде всего, в том, что она пыталась соединить – несоединимое: тоталитарное государство с христианским строем жизни, царство кесаря с Царством Божиим. Если всякое государство в своей сущности тоталитарно, то и всякая попытка построить государство на законе Христовом роковым образом обречена на неудачу" [7, с. 52–53].

Печальной альтернативой политманипуляциям стало принятие православным сознанием узких нацинтересов. На протяжении большей части XX века в соцстранах, коммунистический режим подавлял любые нацчувства. Однако в конце 1980-х их удержать было уже невозможно: начавшееся по всей Восточной Европе движение народов и республик за независимость было тесно связано с религиозным национализмом.

В результате, "внедрение идеи нацсамосознания началось с таким же рвением, как и доктрины марксизма-ленинизма на протяжении многих десятилетий до этого" [6, с. 57].

В основе национализма лежит смешение повышенной религиозной чувствительности человека с его нацинтересами. Национализм зачастую проявляется в убеждениях людей, что какая-то конкретная нация находится к Богу ближе, чем другие, или (в своём экстремальном проявлении) в ложном убеждении, что к какой-то конкретной нации Бог проявляет особое благорасположение. Такие убеждения часто приводят к демаркации между своей нацией как хорошей (обиженной) и другими нациями, как плохими (завоевателями) или низшими, и синкретизируют сознание человека, лишая его способности отличать религиозные вопросы от нацинтересов. Нацпсихология устойчива и заразителна. Она с трудом поддаётся динамике, т.к. "собственные" установки негативного отношения к какой-либо этнической общности кажутся индивиду "истинными", позволяют поддерживать отношения "единомыслия" с

носителями аналогичных установок. Подтверждаемые опытом, одобрением окружающих, подкрепляемые воздействием продукции СМИ, такие установки вместе с ложными нацстереотипами, многократно повторяемые, становятся прочной основой для сохранения в массовом сознании этнических и нацпредрасудков, появления националистических настроений, консервации этноцентризма [2, с. 78].

Таким образом, естественно, что национализм резко актуализировался в результате произошедших в Восточной Европе политперемен. Но с позиций православия, важно понимать, что религиозный национализм не является плодом подлинного учения о Церкви. В контексте кафоличности и единства Церкви идея национальной Церкви является ошибочной.

Религиозный национализм является бичом современного Православия. Воинствующий национализм в крайней форме выражения в сущности своей является еретическим понятием о Церкви, поскольку он разделяет людей на "своих" и "чужих", и противоречит соборности и еклесиологии Церкви.

В Православии "соборность" Церкви сосредоточена в Таинстве Евхаристии и рассматривается эсхатологически. Православная Церковь является общиной верующих, собранных в конкретном месте с целью отображения жизни Грядущего Века, в котором будут преодолены разделения и несовершенства, а вся тварь воссоединится с Богом. По этой причине любые разделения по нацпризнаку (и разделения вообще) в Церкви являются неприемлемыми. Фактически, проблема национализма противоречит подлинному православному богословию. Вместо того, чтобы культурный плюрализм был в разумной мере использован Церковью, дабы её учение было услышано и понято лучше, различные нац-политклары используют Церковь для достижения своих собственных целей. Такие нацприоритеты в действительности только прикрывают сепаратизм. Они подавляют миссионерский дух Православной Церкви, и заслоняют собою вселенскую природу Православия.

"Предание Вселенской Церкви, апостольское Предание, святоотеческое постепенно смешиваются с Преданиями Поместных Церквей, национальных, этнических, культурных групп этих церквей, с московским преданием, или вологодским, или минским и т.д. Настоящая опасность для нас, когда местное предание, национальное предание, Предание Поместной Церкви постепенно получает преимущество перед Вселенским Преданием. Ему отдают предпочтение, не отвергая Вселенское Предание, апостольское, святоотеческое. Но, действуя тихо и незаметно, местному преданию, которое людям ближе в национальном смысле, постепенно отдают де-факто предпочтение перед Вселенским. Расколы возникают именно отсюда. Были расколы между Востоком и Западом, конфессиональные расколы: католики, протестанты, православные... А на этой почве возникают расколы внутри Православной Церкви и национальных Церквей" [3, с.58].

Заразительность националистической психологии объясняется тем, что этнические общности, представители которых являются носителями абсолютизированного нацсознания, достаточно просты по структуре своего единства, а источники психического заражения (являющиеся носителями этого сознания) оказываются людьми, которым не критически подражают или от которых не критически воспринимают определённую информацию. "Некритическое подражание чаще всего проявляется при формировании детских и юношеских коллективов и в процессе их функционирования; степень его эффективности постепенно падает с возрастом и с повышением уровня развития личности. В общественной жизни некритическое подражание встречается в явлении моды, и распространении массовых увлечений и, к сожалению, в психических процессах, сопровождающих националистическое по своему характеру поведение. Предметом некритического подражания часто становится поведение, в котором решающую роль играют негативные установки по отношению к определённой этнической группе. Так молодежь, принадлежащая к этническому большинству в стране, иногда усваивает пренебрежительное отношение к представителям этнического меньшинства" [2, с. 79].

Таким образом, некоторые представители нацдвижений, считающие себя православными, ставят Православную Церковь в зависимость от этнической принадлежности в угоду своим узким политинтересам.

Поставить церковную деятельность в зависимость от светских нацпроблем и политконъюнктурных стремлений хотели и в Украине. Но благодаря ответственной и богословско-канонической взвешенной позиции участников вышеупомянутого Харьковского Архиерейского Собора политизация не коснулась институциональных форм организации церковной жизни.

Этнические Церкви, даже если они обращаются к событиям славного прошлого, находятся в процессе секуляризации. Национальные Православные Церкви постсоветского пространства, трансформировавшись в средство для самосохранения этноса, не способны, в конечном счёте, удовлетворять насущные чаяния граждан. Слишком велико воздействие ассимиляции господствующей культуры. Люди, ищущие убежища в Церкви, ставшей для них нацанклавом, волей-неволей привносят в неё тот самый обмирщённый дух отношения к жизни, от которого они так страстно жаждут укрыться в самой Церкви. Трагизм этого процесса заключается в том, что

Православная Церковь, став средством реализации этнических и национальных интересов, отстает от вселенской веры и делает объектом поклонения - национальное своеобразие данного этноса.

«Согрешающих обличай пред всеми, чтоб и прочие страх имели» (1 Тим. 5, 20). В XX веке в украинском Православии было множество попыток создания «самостийной украинской церкви», независимой от исторически сложившихся во Вселенском Православии духовных центров – Патриархатов. Какова обусловленность и целесообразность этих попыток?

Вселенская Православная Церковь (ВПЦ) состоит ныне из пятнадцати Поместных Православных Церквей. В Церкви институт «первого среди равных» всегда выстраивался на законах, отличающихся от гражданских по цели и своему нравственному содержанию. Этот свод законов Церкви создавался в течение столетий, и в церковной терминологии именуется Правилами святых Апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов, или церковными канонами.

Чистое Православие времён Вселенских Соборов всегда признавало на одной канонической территории лишь одну церковную иерархию законной и, следовательно, православной. Все епископы, пребывающие вне подчинения ей, именовались отщепенцами, раздорниками и еретиками (6-е правило Второго Вселенского Собора).

Согласно последнему, православный христианин подчиняется единственной, с канонической точки зрения, законной иерархии своей Церкви, и не может пребывать в расколе. Именно поэтому раскольники всех времён и народов лишены той духовной инстанции, каноническое подчинение которой (или, по крайней мере, полное церковное общение с которой) могло бы служить видимым залогом их принадлежности к Православию. Раскольники об этом знают и, в большинстве своём, не признаются в безблагодатности совершаемых ими «тайнств», оправдываясь преднамеренно национально-политические аргументами, не имеющими к церковным канонам абсолютно никакого отношения. Ориентация раскольничьих «патриархов» на политическую целесообразность, вместо церковных канонов, и лишает их перспективы быть когда-либо признанными всей Полнотой Вселенского Православия.

«Если когда придёшь в город, не просто спрашивай: где храм Господень? Ибо и прочие нечестивые еретики пещеры свои называют храмами Господними. И не спрашивай просто: где церковь? Но: где Вселенская Церковь? Ибо сие собственно имя сей святой и всеобщей Матери-Церкви, которая есть невеста Господа нашего Иисуса Христа, Единородного Сына Божия» [9, с. 26]. Все нуждающиеся в благодатных и спасительных тайнствах Церкви следуют этим словам, т.е. стремятся в храмы ВПЦ, объединённой Святым Духом и общение с которой является залогом принадлежности к неповреждённому Христианству.

Кафоличность Церкви, её универсальность и устремлённость к всемирности являются тем вернейшим критерием, что она есть несомненная преемница той самой Апостольской Церкви, которой Господом было поручено проповедовать Евангелие всей твари (см.: Мф. 28,19-20; Мк. 16,20; Лк. 24,47-48). Поэтому цинизм раскольников над канонами и церковной традицией является серьёзной угрозой для сохранения духовного самосознания народа Украины. Иными словами, церковный сепаратизм – это трагедия.

Страсть к национальному самоутверждению, эклизиологическая безответственность, амбиции власти и славы, корыстолюбие, политическая конъюнктура – истинные детерминанты раскольничества. Церковь – это организм, Святым Духом призванный творить добрые дела и быть необходимым водительством обществу, служа ему в его действиях. Достойная своего призвания Церковь подготавливает и создаёт соответствующую атмосферу любви и братства людей – как внутри себя, так и во всём государстве. УПЦ приняла на себя ответственность за достижение в украинском обществе столь желанного всеми единства, как необходимую предосторожность против дезинтеграции мира, – и всемерно стремится это единство поддерживать: законы Христа основаны на любви, поэтому любые требования государства, в которых нет любви к ближнему и уважения к церковным правилам, автоматически лишаются той основы, опираясь на которую только и можно обрести поддержку Церкви. Если же императивы власти противоречат законам Божиим, тогда задача Церкви занять внятную и чёткую позицию, оказывая послушание Богу, а не человеку.

Истинные христиане, исполняя заповедь своего Божественного Учителя не следовать образу жизни мира сего, неизбежно рассматриваются этим миром как смутьяны.

Конструктивный диалог между Церковью и государством возможен только на основе взаимного: невмешательства во внутренние дела друг друга; созидания для общего блага всех граждан – как на социальном, так и нравственном поприщах.

Раскол – это смертный грех, приводящий к гибели души, к утрате Богоподобным человеком Божественной благодати и к отлучению от Христовой Церкви. Идеологи и вдохновители расколов опасны не только непониманием сущности и назначения Церкви, но и тем, что под их пагубное влияние

попадают все новые души. Надменное упоение раскольников «счастьем обладания национальным патриаршим престолом», питаемое политико-националистическими теориями и технологиями, есть несомненный признак отсутствия здорового христианского мировоззрения у всех, идущих этим путём.

Единственным средством преодоления разделения христиан является осознание ими несправедности содеянного и искреннее их раскаяние. Один лишь Бог Своєю благодатью может примирить разобщённых братьев, а мы можем только просить Его об этом своей искренней молитвой, преданностью Его истине и подлинной христианской вселенской любовью.

Сегодня Киевской Митрополии принадлежат 11238 приходов, три Лавры, 19 духовных учебных заведений: одна академия, 7 семинарий, 10 училищ, один богословский институт. Ныне на канонической территории УПЦ насчитывается 185 действующих монастырей, в том числе 6 ставропигиальных, 9 скитов и 2 подворья, среди которых 94 мужских и 91 женских. В указанных монастырях проходят послушания 4472 насельника и насельниц: 1609 – в мужских и 2863 – в женских [13, с. 85].

Киевская Митрополия, учреждённая со времён крещения Киевской Руси, и по сей день является тем бесспорным и единственным духовным центром Украины, где полноценно окормляются православные христиане. Свыше тысячи лет эта Митрополия соединена неразрывными духовными связями со всей Полнотой Вселенского Православия – и в этом её духовная сила и непоколебимость.

Как известно, более половины верующего населения Украины – православные. Греко-католицизм доминирует только в Галичине и Закарпатье, т.е. в 4-х областях страны, а ислам значительно представлен в Крыму [1, с. 441].

Возрождение и культивирование истинного православия является главной и объективной тенденцией объединения народа Украины религиозными ценностями, если последние рассматривать как реальные стратегические пути и факторы консолидации общества. «В процессе консолидации украинской политнации необходимо преодолеть раскол православия или, как минимум, снять противостояние разных веток этой религии, что значительно укрепит духовную основу всего общества» [1, с. 442].

Литература

1. Андрущенко В.П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть: Досвід соціально-філософського аналізу. – К.: ТОВ «Атлант ЮемСі», 2005.
2. Баронин А.С. Этнопсихология. – К., 2000.
3. Боровой В. Христианская школа – как она видится сегодня // Предание Церкви и предание Школы: материалы Международ. богословской конференции (Москва, 22–24 сентября 1999 г.). – М., 2002.
4. Владимир (Сабодан), Митрополит Киевский и вся Украины. Слова и речи. – К., 1997.
5. Доусон К.Г. Религия и культура. – СПб., 2000.
6. Драбинко А. Православие в посттоталитарной Украине (вехи истории). – К., 2002.
7. Кассиан (Безобразов). Царство кесаря перед судом Нового Завета. – М., 2001.
8. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). – М., 2005.
9. Огласительные поучения свт. Кирилла, архиеп. Иерусалимского. М., 1822. Оглас. поуч. XVIII. 26.
10. Хоружий С.С. Кризис европейского человека и ресурсы христианской антропологии // Церковь и время. – М., 2006. – № 2 (35).
11. Яннарас Христос. Церковь в посткоммунистической Европе. // Церковь и время. – М., 2004. – № 3 (28).
12. Яннарас Христос. Истина и единство Церкви. – М., 2006.
13. Ярема Р. Церковные расколы в Украине. – К., 2007.

Summary

Peter Dulin

Consolidating potential of orthodoxy

It is proved, that in spite of secularization and dissidence in Ukrainian orthodoxy, conditioned by both objective and subjective reasons, strategic Foot-path of orthodoxy – union and solidarity.